

Русский рэп — Слово об Апокалипсисе

Главный пафос русского рэпа можно определить как апокалипсический. Начиная с творчества ранней «Касты» («Бархатная пыль», «Людам вряд ли», «Язычество» и т.д.) тема грядущего конца света и наступления новой исторической эпохи стала основной в русском рэпе.

У новой эпохи режутся зубы —
Из тех же мест, где раньше торчали заводские трубы,
Об этом шепчутся в темноте старухи
Пуская слухи о неминуемой разрухе,

— говорится в одной из песен «Касты».

Этот апокалиптический пафос в русском рэпе сочетается с другим — пророческим, который был всегда присущ поэзии, а рэп — это прежде всего поэзия, как утверждал один из зачинателей этого направления в России, **Алексей Перминов**, который в народе более известен под именем Грюндиг (группа «Рабы лампы»).

Русский рэп вслед за русским роком усваивает этот основной пророческий пафос русской поэзии и шире — русской литературы вообще. Пророк не предсказывает (этим занимаются колдуны), пророк бичует свой народ за несправедную жизнь и пророчит ему будущее наказание. В этом смысле в современном нам мире не найти более жесткого и бескомпромиссного приговора современности, чем тот, который мы видим в русском рэпе.

Под русским рэпом следует понимать здоровую реакцию на болезнь, которая поразила теперь Россию. Болезнь эта называется бездуховность, забвение. Неудивительно поэтому обращение русского рэпа к традиционным ценностям. Так один из главных продолжателей кастовской традиции, **Артем Лещук** (Саграда, группа «Соль земли») не скрывает своей профессиональной принадлежности. Сразу оговорюсь: нет, это не «православный рэп», точно так же Пушкин не являлся православным писателем, и тем не менее глубокая укоренённость в своей культуре позволила нашему великому поэту воплотить в своем творчестве православные идеалы. Точно так же в рэпе Саграды находят выражение истинно христианские мотивы. Апокалиптические прозрения облечены у него в картины страшных глобальных явлений, прихода страшных космических кораблей («В отрыв», «Созвездие лезвий»), затмений и глобальных экологических катастроф («Цифровой шторм»), мировых войн («Бессмертная техника правды» совместно с «Малым кристаллом», невероятно живо рисуется картина третьей мировой войны в песне «Лишённый сана»).

Саграда использует совершенно новые образы для воплощения старой темы, для реализации старой миссии русской мысли. Поэтому неудивительно его обращение к Достоевскому (песня «Идиот»). Живая боль за судьбу родной земли в песне «Камо грядеши» собирается почти в тезис, который звучит одновременно и как молитва: «Боже, дай же мне меч Твоего имени, кольчугой мне будет речь моего племени». Общая тенденция русского рэпа — неприятие чужого распада и стремление к родной собранности — собранности в родной культуре, в родной философии и литературе, в родном языке:

Наше противоядие им противопоказано!
И Солнце Правды скоро станет в конечной фазе —

О том, как крестной казнью мир избавлен от проказы
Величайшая история когда-либо рассказанная.
(Саграда, «Выше наших этажей»)

Одновременно с апокалиптическими темами в творчестве Саграды есть и лирика, в которой видны черты глубокой боли от утраты. Эта линия, однако, не столь сильна в конкретном своём выражении и вполне сливается с главной линией его творчества, что опять же возможно благодаря православному христианскому пониманию мира и человека, в котором снимается антиномия общее — частное, и в результате боль за мир, за родину, за человечество оказывается личной болью, и наоборот, личная, частная боль может обрести мировые масштабы.

Саграда рисует картины упадка современности, картины Страшного суда и наказаний:

Встань рядом:
И ты увидишь, как мы падаем
В колодцы, кратеры,
Кишащие гадами,
Где кости перекатаны
С дублонами и дукатами.
(Саграда, «Упадок»)

И тем не менее творчество его не оставляет впечатления обреченности и уныния, наоборот — Саграда изо всех сил указывает на надежду найти путь к спасению. Во времена упадка, когда тьма сгущалась, поэты и философы всегда указывали людям путь. И вот Саграда говорит: «если тропы в темени — идите на огни». Однако поэт указывает нам не только на спасение благодаря бегству или уходу от мира, он рисует нам не только правду спасающуюся, но и Правду завоевывающую, Правду сильную и могущественную, он зовет нас к духовной войне, к решимости и бескомпромиссности в утверждении своей правды:

Это звучит труба у вашего порога,
Мы принесли вам страшную веру
В Распятого Бога!
(песня «Созвездие лезвий»)

Пожалуй, одной из самых знаковых для русского рэпа групп на сегодня является «25/17». Нет смысла в сотый раз объяснять смысл названия группы или говорить о радикальных взглядах, в которых многие обвиняли её участников. Но есть смысл говорить о главном и серьезно, потому что уже давно пора говорить серьезно о русском рэпе как о феномене.

Один из участников группы, Андрей Бледный, также не скрывает своей конфессиональной принадлежности (протестант) и не стесняется говорить о традиционных ценностях и пропагандировать их, достаточно посмотреть или прочитать любое его интервью. В клипе на песню «Огонь» религиозный пафос виден уже в первой строчке песни:

Если Бог хочет наказать —
Он лишает разума
Мне часто кажется,
что вся страна наказана, —

которой, однако, предшествует цитата из Ветхого Завета (Авраам, пристающий к Богу,

идущему уничтожить Содом и Гоморру, с вопросами о праведниках). Рефлексия над современностью здесь облекается в одеяния ветхозаветных сюжетов вовсе не случайно. Цитаты из Писания встречаются у Бледного вообще довольно-таки часто. Апокалиптические мотивы в песнях «25/17» тоже обыкновенное дело, и звучат они порой не просто с усталым пессимизмом («Будущего нет, счастья нет, гнев тоже кончится — бесконечное одиночество»), но с непреодолимым отчаянием в голосе, который то и дело срывается на крик (песня проекта «Лёд 9» под названием «Котят два», записанная совместно с писателем Захаром Прилепиным, в припеве которой Бледный надрывно кричит: «Они не видят, они не слышат, они не ведают, что творят!»).

Вообще Андрей Бледный особенно знаменателен в нашей теме, ибо на его примере очевидна преимущество русского рэпа русскому року: совместные песни «25/17» с Константином Кинчевым, Дмитрием Ревякиным, Вячеславом Бутусовым, проект Бледного «Лёд 9», есть полностью электронный альбом на музыку Егора Летова. К тому же Бледный никогда не упустит возможности официально откреститься от популярного рэпа и объявить, что ему вообще плевать на хип-хоп. В любом случае «25/17» по идейным своим убеждениям остается в глубоком андеграунде.

Андерграунд... На русский язык это слово переводится как подземка, подполье. Самое главное в русской культуре всегда было в подполье, в глубине. Русский рэп — наследник главной русской религиозно-философской интуиции, он исходит из глубины русского сознания, постепенно наполняя заимствованную форму своим самобытным содержанием.

Главная тема русского рэпа — апокалипсис (см. песни Андрея Бледного «Огонь», «Бесконечное одиночество»). Через русский рэп сегодня Россия говорит сама с собой о своих самых главных последних, проклятых вопросах, которые по традиции воспринимаются как последние вопросы не только России, но всего мироздания, вернее, проблемы мироздания — это и есть русские проблемы, потому что русский человек — это всечеловек, а Россия вбирает в себя весь мир, и потому постоянно болит — за весь мир. Русский рэп заставляет вспомнить про эту особенность России и русского человека (Бледный: «Когда вокруг рассеяне — мы остаемся русскими!»), восстанавливает эту особенную национальную идентичность (Каста: «Россия! Не рви душу в клочья! Я такой же, как ты! И на этом закончим!»). Особенно обидно в связи с этим, что официальная наша церковь почти никак не реагирует на этот живой религиозный голод нашего поколения, будто не замечает эти подземные нарастающие течения в нашей жизни, готовые вот-вот вырваться на свет и стать достоянием шокированной общественности. Естественно, что этот религиозный голод, жаждущий откровений и последних истин, никак не может удовлетвориться официальной формальной церковностью, которая как ни крути, а всё-таки является социальным институтом. В русском рэпе просыпается христианство последних времен, христианство Страшного суда, которому не нужны социальные институты и сама социализация, но нужна свобода как она есть.

Целью этой нашей короткой статьи никак не является анализ текстов отдельных представителей так называемого русского рэпа, познакомиться с текстами и с песнями сможет сам читатель, для этого ему достаточно набрать в поисковике слова: «25/17», «Соль земли», «Записки неизвестного» и т.д. Наша же цель обратить внимание на общие тенденции в русском рэпе. Разговор о нём только начинается, вполне возможно, что для него еще не настало время, однако ж мы начали и того с нас довольно. Наша мысль проста и будет вполне понятна любому человеку, знакомому со своей культурой и готовому воспринимать то, что эта культура выдает нам сегодня. Наша мысль состоит в том, что т.н. русский рэп есть культурный феномен, наследующий некие общие глубинные мотивы русской литературы, русской религиозной философии и русской культуры в целом. А потому понять

этот феномен можно только в контексте этой самой русской культуры, которая в корнях своих глубоко религиозна, обращена к религиозным проблемам. Именно потому мы и предлагаем отдельное, пусть и весьма условное название для т.н. русского рэпа — русский религиозный рэп. Такой рэп есть часть нашей общей рефлексии над своею современностью и над своим прошлым.

Читатель может возразить мне и сказать, что я начал с религии, а заканчиваю социальными строками. Однако на это я отвечу, что наша социальная рефлексия вся насквозь пропитана религиозно-утопическими мотивами, начиная с декабристов и заканчивая большевиками, поэтому противоречия между началом и концом у меня нет никакого. Для нас судьба религиозной идеи соединена с судьбой самой России, которая эту идею несет и о ней вещает. Теперь эта идея транслируется в том числе через русский рэп. Как сказал Захар Прилепин, «это нормально». Это нужно либо принять и понять, либо отказаться от национальной рефлексии, от национальной идеи, от России. Иначе никак.